

Памяти Альфреда Карловича Айламазяна

Аннотация. В апреле 1993 г. после настойчивого обращения Главного редактора журнала «Новости искусственного интеллекта» Д. А. Поспелова директор Института программных систем РАН А. К. Айламазян дал специальное интервью для журнала. Ниже следуют фрагменты этого интервью.

Д. П. Я хотел бы поговорить с тобой о временах, которые постепенно становятся легендарными, временах создания института. Было это в первой половине 80-х годов. Как теперь говорят, в эпоху застоя. В то время новые институты создавались либо для родственников членов Политбюро или Секретариата ЦК КПСС, либо по большому благу. Какой же блат у тебя был?

А. А. Если говорить о благе, то у меня блат, конечно, был. Но не такой, как тебе представляется. Вот некоторая предыстория моего появления здесь. Впервые идею удаленного от Москвы института, связанного с созданием программных комплексов, мне сообщил академик Б. Н. Петров. В какой-то степени он был моим учителем. Говорил он об этой идее как о некоторой мечте, организационно-научной фантазии. И когда появилась реальная возможность создания такого института, то высказывание Петрова я использовал, когда пришел к Е. П. Велихову, которого до этого совершенно не знал. Не могу сказать, что Велихов принял меня с распростертыми объятиями. Он быстро спихнул меня к академику В. А. Мельникову, директору Института проблем кибернетики. Именно от этого института филиал по решению ЦК и Совмина должен был создаваться в Переславле-Залесском. Я думаю, что весь мой блат состоял в том, что я как-то был сопричастен к деятельности Петрова, а Велихов меня не просто выгнал, а послал к Мельникову.

Д. П. Но откуда все-таки возникла несколько странная идея создать научный институт в Переславле-Залесском?

А. А. Обычно выдвигают версию, что инициатором такого выбора был Велихов. У него недалеко от города есть дача, поэтому он и захотел иметь поблизости этакий «карманный институт». Но я не

разделяю эту точку зрения. Я думаю, что Евгений Павлович, выбирая место, исходил из модели научного городка по зарубежному образцу. В маленьких городках, оторванных от повседневной толкучки, ученый может больше сосредоточиться на чисто научных проблемах. Это идея Велихова. Его как бы озарило. И главное, что он не только выдвинул идею, но и попытался ее реализовать.

Д. П. А то, что это будет филиал института Мельникова, это тоже его идея?

А. А. В Постановлении об организации института об этом прямо говорилось.

Д. П. Другими словами, Постановление готовилось при участии Велихова?

А. А. Безусловно. Постановление вообще не увидело бы, наверное, света, если бы его не готовил Велихов при поддержке А. П. Александрова, и если бы у этих двух людей (да пожалуй, еще у двух-пяти человек) не было четкой платформы в вопросе о путях дальнейшего развития вычислительной техники в нашей стране. И эта платформа опиралась на идею, что нам надо развивать скорее не саму вычислительную технику, а теорию и практику применения вычислительной техники, т. е. науку, которую мы в обиходе называем информатикой. . .

Д. П. Ты же понимал, что, взявшись за создание института в Переславле-Залесском, придется как-то ломать привычную жизнь. Это же не место, куда можно ездить ежедневно на работу. А в Москве квартира, семья. Или была глубинная, подспудная идея преодоления внутренней неудовлетворенности, хоть и неявного, но поражения в жизни. Я думаю, что было желание доказать себе, что в тираж выходить рано. Попытаться сделать что-то достойное и большое.

А. А. Вероятно, предыдущая моя жизнь уже дала мне возможность проверить свои силы и возможности. Но мне казалось, что мои силы проявились еще не полностью, не востребовались в силу обстоятельств. И было внутреннее желание подтвердить это, доказать себе и другим, что я многое смогу. Тут, конечно, было и оскорбленное самолюбие. За восемь лет я создал блестящую (это не самовосхваление) систему, а меня вышвырнули на улицу. И это первое обстоятельство. А второе — предыстория моя (как и любого другого человека, который честно работал и хочет продолжать так же работать) сформировала из меня деятельную натуру, и мне чего-то уже не хватало в тех предложениях о работе, которые до этого возникали. И вдруг я увидел огромное поле деятельности. И меня это захватило.

Д. П. Хорошо. Вот ты приехал в Переславль-Залесский, а тут ничего нет, и городское начальство что-то восторгов не выражает.

А. А. На парадных приемах я часто говорю, что по приезде меня охватил восторг, но это неправда. На самом деле, когда я первый раз приехал сюда (еще не был назначен, но уже знал, что все согласовано и назначение состоится), то все было несколько иначе. Это было в марте 1984 года.

Увидел бараки. В одном из них была сторожиха. Потом прибежала молодая женщина, которая потом несколько лет работала у меня секретарем. Пустой барак. Кругом полная разруха. У меня возникло дикое уныние. И я, наверное, уехал бы тотчас оттуда, с отвратительным настроением, что ничего путного тут сделать нельзя. Но эти две женщины где-то раздобыли плитку, что-то разогрели, что-то сварили. Я не был за рулем машины, за рулем была моя супруга. Я выпил. Мне стало как-то лучше, не так тоскливо. А женщины, видя мое отчаянье, утешали: «Да Вы не бойтесь, мы Вам поможем». Хотя, конечно, чем они могли мне помочь? Одна сторожиха, пожилая женщина, а вторая, хоть и молодая, всего только десятилетку и закончила. Просто они были очень доброжелательны, хотели поддержать меня. Знали, что я кандидат в директора.

Если говорить честно, то кроме первого впечатления, что это страшно, просто страшно, было и второе, что я пойду на это. Как говорится, «и хочется, и колется».

Д. П. А первый контакт с местными властями? Он, наверняка, был отрицательным?

А. А. Это так. Ну хотя бы потому, что один из еще сохранившихся, живущих здесь руководителей, ничего не запомнил из того, что я тогда говорил. Я же готовил и приготовил целую программу. Говорил о гуманизме, о возрождении центра России за счет привлечения интеллектуальной прослойки. . .

Д. П. Так, значит, все и началось. Были бараки, какие-то помещения. Но как возникли первые сотрудники? Каков был механизм их поиска?

А. А. Какого-то выработанного заранее механизма поиска людей у меня не было. Все делалось интуитивно. Я объявил в МГУ, МФТИ и МИФИ, что готов принять молодых людей. У меня уже была маленькая комнатущечка на Вавилова, в помещении Института проблем кибернетики. Туда приходили заканчивающие институты аспиранты и студенты. Я там проводил мини-семинары. А иногда я эти мини-семинары проводил у себя дома на улице Фадеева. Я тогда не был специалистом в области программирования для компьютеров, я всегда занимался применением вычислительной техники в системах управления. Но в процессе общения стала возникать система отбора и селекции. И я доволен первым поколением сотрудников, которое тогда сформировалось.

Д. П. У тебя есть ощущение, что ты достиг своей цели, создал институт, каким он тебе представлялся?

А. А. Я считаю, что достиг. Года два тому назад я испытал внутреннюю неуравновешенность. Меня все время занимал вопрос: состоялся ли институт? Вроде, все атрибуты института присутствуют. Есть здание, есть штаты, есть финансы и т. п. Но достаточно ли этого? Я жил в компании таких людей как ты, Е. П. Велихов, мой тесть, мои родственники, которые к науке относятся с большим уважением. Это воспитало во мне то, что я хотел бы воспитать и в других — ответственность за науку и уважительность к ней. Это надо мной довлело, очень довлело. Два фактора меня беспокоили: есть ли наука в институте, и есть ли сложившийся научный коллектив. Относительно научного уровня я имел косвенные подтверждения, что он достигнут. Появились довольно многочисленные приглашения

из-за рубежа сотрудникам института, участились конференции, симпозиумы и семинары в Переславле-Залесском, сотрудники института участвовали во многих престижных конференциях, выступали там с пленарными докладами. Вопрос о коллективе (слово это затасканное, оно мне не очень нравится, но мне хотелось бы сказать об этом несколько слов) для меня был не столь очевиден. В период разгула митинговой демократии институт не остался в стороне. Появились люди, которые пытались возбудить сотрудников, на спекулятивной волне занять в институте те места, которые они не могли занять. И если бы не было здорового коллектива (хотя я часто говорю, что это моя выдержка, мой опыт жизни), не было бы здорового сплоченного ядра в коллективе института, то институт быстро бы закончил свое научное существование. Ощущение, что есть люди, которые хотят быть вместе, в одном коллективе, давало чувство уверенности. Вселяло надежду, что коллектив состоялся.

Д. П. Как ты думаешь, во что со временем может превратиться Институт программных систем в Переславле-Залесском?

А. А. Мне трудно сказать, во что он реально со временем превратится.

Д. П. Ну, как бы ты хотел этого в мечтах?

А. А. Я хотел бы, чтобы институт развивался. Независимо от моего будущего отношения к нему. Я думаю, что это мое последнее директорство. И надеюсь, что пока еще я могу выступать в роли генератора развития. И не только научного, даже не столько научного. Надо развивать внедрение института в регион, активно воздействовать на уровень развития города и его округи.

Д. П. Другими словами, ты видишь сейчас свою основную задачу не в стимулировании работ по созданию новых программных технологий и аппаратных решений (это сможет сделать уже сложившийся творческий коллектив), а в генерации импульсов развития окружающего институт региона?

А. А. Правильно. Если бы наш институт был в Москве, он был бы маленьким, не слишком заметным институтиком, который подкармливали бы, или бросили бы подкармливать. Но здесь мы создаем инфраструктуру. Развитие и жизнедеятельность института переплетены с развитием и жизнедеятельностью окружающей его территории.

Д. П. В чем же ты все-таки видишь эту взаимосвязь развития?

А. А. В первую очередь в том, что уже делалось и делается. В Переславле-Залесском во всех школах введено (не на словах, а на деле) компьютерное обучение. Международный компьютерный детский лагерь в окрестностях города стал всемирно известным. Уровень образования в городе стал таким, что с осени 1993 года будет функционировать созданный при активнейшем участии института Университет города Переславля-Залесского. Мы активно влияем на создание интеллектуальной среды в городе. Наша деятельность направлена не на увеличение производства в городе тканей или пленки для магнитофонов (которые должны, конечно, производиться), а на изменение менталитета молодого поколения людей, проживающих в городе и его окрестностях. Это необходимо для подпитки жизненными соками и самого института.

Д. П. Несколько личный вопрос. 1982 год был неудачным. В нормальной карьере ученого бывает много всяких неприятностей, глупостей, ненужных и неоправданных поступков. Ты совершил как бы моральное бегство в Переславль-Залесский. Но это бегство обернулось не поражением, а победой. Прежде всего, победой над собой, определенным самоутверждением. Правильно ли я понимаю ситуацию?

А. А. Я бежал с твердым желанием доказать, что я смогу многое сделать.

Д. П. У тебя уже в момент бегства была такая идея — доказать?

А. А. Если бы я прибежал сюда побитый, зализывать раны, я бы ничего не сделал.

Д. П. Ты, конечно, не жалеешь теперь, что приехал сюда?

А. А. Конечно, нет.

Д. П. Тем не менее, глобально не жалея об этом, ты все-таки можешь сказать, ЧТО ты потерял уехав сюда, в личном плане да и в общественном?

А. А. Я считаю, что ничего не потерял. Давай разберемся. Я жил в благополучной семье. Но в этой жизни есть ряд фаз: влюбленность в свою жену, в свою семью, безумие по поводу детей и т. д. К моменту моего приезда сюда у меня все эти фазы уже прошли, осталось только одно — ответственность. И уезжая в Переславль-Залесский, я не снимал с себя ответственности перед семьей. Во-вторых, Переславль-Залесский в какой-то степени открыл для меня новые возможности и в личной жизни. Я ее никак не оформил ни формально, ни официально, но я ее приобрел. Это стимулировало мою творческую и

организационную деятельность. Я могу сказать, что я обладаю великолепной семьей с полной гармонией. Когда ты приходишь ко мне домой, то ты должен это видеть. Таким образом, я нашел ту нишу, в которой укладываются воедино и мои личные отношения с семьей и моя в чем-то безумная жизнь в Переславле-Залесском. Безумная и потому, что я постоянно играю в пятнашки со временем, кто кого обыграет в вечной гонке друг с другом.

Доволен ли я? Я доволен, но временами испытываю страх, что вот я уйду, и все рухнет. Хотя и не верю умом в это, но эмоционально такое чувство все время возникает. Это обычный страх за свою семью, в широком смысле этого слова, включая все, к чему приложил руки.

А. К. Айламазян